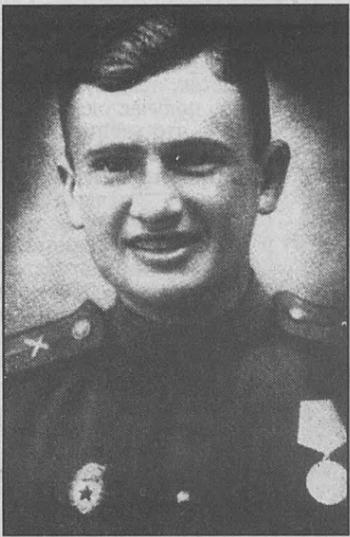

Вестник

Взвешивать

13.05.2004

Народный артист СССР Евгений Весник в представлении не нуждается. Тем не менее, сыграв в общей сложности в Театре сатиры, имени Станиславского и Малом 140 ролей да еще около 100 в кино, Евгений Яковлевич легендой себя не считает. Он по-прежнему, несмотря на солидный возраст, активен, встречается с почитателями театрального искусства, не отказывается от интервьюерам и сам пишет книги воспоминаний. Но, быть может, не всем читателям известно, что Евгений Весник - фронтовик, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, двумя медалями «За отвагу», медалью «За взятие Кенигсберга»... За многолетнюю творческую деятельность удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Вот уж поистине «из одного металла лютят медаль за бой, медаль за труд»!

ТАЛАНТ ФРОНТОВОЙ ЗАКАЛКИ

- Как складывалась, Евгений Яковлевич, ваша военная юность?

- Война застала меня на втором курсе театрального училища имени Щепкина при Малом театре. В сентябре 41-го мы получили из театрального гардероба телогрейки и сапоги, с техникой на трудовой фронт. Рыли противотанковые рвы, получая отметки не за глубину проникновения в землю-матушку.

Год спустя Весник стал курсантом Смоленского артиллерийского училища, эвакуированного в уральский город Ирбит. В январе 1943 года выпускникам зачитали приказ о присвоении офицерских званий. Весник получил назначение на Карельский фронт. Несладко пришлось неострелянному лейтенанту на первых порах, а впрочем, кому на войне было сладко?.. Фронтowymi дорогами рядом с ним шагал и бережно хранимый в памяти образ отца.

- В моем становлении пример отца играл огромную роль. Наверное,

решающую. Отец сам по себе был фигурой незаурядной. В октябре 17-го года брал Зимний во главе отряда красноармейцев с Выборгской стороны. Позже был назначен членом Реввоенсовета 8-й армии, которой командовал Тухачевский. К концу 20-х в петлицах его гимнастерки было четыре ромба, а на груди - два ордена Красного Знамени. В последние годы жизни отец работал директором Криворожстроя.

Так вот, насчет моего участия в войне... Помню, под самым носом у противника мы соорудили наблюдательный пункт. Вдруг запищал зуммер полевого телефона: «Срочно прибыть в штаб!» Оставляю за себя заместителя, добираюсь до штаба, докладываю о прибытии. А мне велют побриться, помыться, вычистить сапоги и вообще иметь парадный вид. А потом говорят: «Идите вон в тот дом, где у нас клуб».

Прихожу. Вместительный зал полон. Солдаты, офицеры. Глазам не верю: идет спектакль, а на сцене наши, щепкинцы - Галя Сперанская, Борис Кордунов!.. Это они, зная,

что я на 3-м Белорусском фронте, разыскали меня. Сажу, гляжу на сцену и не могу сдержать слез. Соседи ничего не понимают: пьеса смешная, все хохочут, а я реву! От счастья, от неожиданной встречи...

Евгений Яковлевич надолго задумывается. Я не спешу задавать вопросы, чувствую, что сейчас он заговорит сам и заговорит о чем-то важном. И действительно, артист улыбнулся, словно извиняясь, что прервал беседу:

- Вот о чем хотелось бы сказать: годы, проведенные на фронте, заново открыли глаза на такое понятие, как любовь к Родине. Видите ли, школа, комсомол воспитывали в нас патриотизм, человеколюбие. Но в обыденной жизни

ни это воспринималось... по-книжному, что ли. А тут - сердцем почувствовали. Помните у Маяковского: «Но землю, которую... полуживую, вынаничил»? А мы с ней в огне горели. И в этом огне очищались души людей. Высокий и чистый образ человека-воина я вынес из своих фронтовых лет.

- Непосредственно в актерской работе вам приходилось использовать опыт войны?

- Не раз. Этот опыт дал важное для артиста умение отсекал все лишнее в характере человека, которого играешь. Твой герой, предположим, в беде, в опасности. Но

зультате больше вариантов, нюансов в настроении, поступках, действиях героя. Более жизненный и достоверный образ получается. Или, наоборот, как сыграть человека в состоянии восторга? Какой должна быть дозировка? Вот тут-то и вспоминается, скажем, 9 Мая 45-го. То состояние эйфории описать и сыграть, наверное, невозможно. Я вот до сих пор не могу объяснить собственное поведение: выпил кружку водки, не закусывая, лег в канаву и... рычал! Почему? Зачем? Что это должно было означать - понятия не имею до сих пор!

Еще одна деталь фронтового опыта - умение ограничивать себя, свои порывы. В театре это умение проявлялось, скажем, так: я играл роль матроса Алексея в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. Нам хотелось показать не столько бравое моряка, сколько человека на перепутье, ищущего место в жизни. Он слушает и Вожака, и Сиплога, и Комиссара. И мучительно пытается понять, кто же из них прав. Так вот, решал я эту роль путем самоограничений. Актеры ведь любят крупный план, авансцену, а я старался все время быть где-то на втором плане, стоять за этими центральными фигурами, словно прислушиваясь, постепенно оценивая, взвешивая каждое сказанное ими слово. И самое удивительное: потом говорили, что именно из-за того, что я не выпячивал Алексея, мой герой вызывал повышенный интерес у публики.

Ну а если брать другую сторону фронтового опыта - например, умение носить гимнастерку, то и оно пригодилось не раз. Я играл полковников, генералов, особо памятна роль героя сталинградской эпопеи маршала Чуйкова. Если хотите, расскажу, как все было. Может, читателям «Южных горизонтов» будет интересно...

Беседу вел Сергей ИВАНОВ

Настоящий артист

Настоящий маршал

театра, гример, костюмерша, портной, а также биографы маршала... Рассказывают о привычках и характере Василия Ивановича Чуйкова, о том, что главное в спектакле, в роли, снимают мерку с моего торса, голы... Все в ужасе: башка - 63 сантиметра в окружности. Такого размера фуражки быстро не найти, но, к

Евгений ВЕСНИК:

БЫВАЕТ, И ЧУЙКОВЫ ПЛАЧУТ

1 февраля 1973 года. 20.00. В моей квартире раздался телефонный звонок из отдела культуры ЦК КПСС: «Просьба срочно вылететь в Волгоград. Самолет в 23.00, машину за вами послали. В местном театре завтра премьера спектакля по пьесе Юлиа Чепурина «Сталинградцы», посвящается 30-летию Сталинградской битвы. Артист, готовивший главную роль - командарма, прототипом которой стал маршал Чуйков, не справился с задачей и снят с роли. Отменять спектакль нельзя - он объявлен в программе телевидения и будет транслироваться на всю страну. Вы фронтовик, опытный...»

2 февраля 1973 года. 1.45. Волгоград, гостиница. В моем номере - постановщик спектакля «Сталинградцы» Владимир Бортко, суфлер

счастью, все сцены проходят в интерьере и можно обойтись без головного убора. Кто-то приносит чай, делает бутерброды. В этой суматохе я успеваю заглядывать в текст роли.

5.00. Остаюсь один и ложусь спать. Да-да, спокойно засыпаю, поставив будильник на семь.

7.00. Будильник проявляет бдительность - будит. Зубрежка текста.

8.30. Пришли костюмеры, примерили военный костюм, сапоги... Сообщили, что от парика решили отказаться.

9.00. Легкий завтрак с режиссером. Последние наказы, проба текста, зубрежка.

10.00. Первая репетиция на сцене. Партнеры предельно внимательны, даже шепотом подсказывают текст.

13.30. Обеденный перерыв. Беседа с биографами Чуйкова, режиссером.

14.00. Прилет на кушеточке в гримборной. Зубрежка текста.

15.00. Вторая репетиция - «репэте, репэте, репэте», то есть повторенье - мать учения.

17.00. Засыпаю в номере гостиницы.

17.45. Часовой-будильник на страже. Зубрежка текста.

18.30. В гримборной театра показывают фотографии Чуйкова. Ей-ей, я похож на него, на молодого! Причесы-

беззвучно, только артикуляцией губ обозначил слегка, вполоборота к зрительному залу, нецензурные слова, но наши, «родные» (так часто на войне звучавшие и из моих уст, и из уст солдат, сержантов и маршалов), вот тут-то зал по-настоящему взорвался и от смеха, и от аплодисментов. А я совсем осмелел, повел себя так, будто играю роль в сотый раз! Текст не путаю. В темпераментных диалогах несколько раз брал в руки пал-

- Ваше здоровье, спасибо, что зашли, - и согрел: 50 граммов похоронил в себе.

- Кто тебе сказал, что я с палкой воевал и что словечки разные нехорошие знаю, а? Кто?

- Те, кто о вас книги пишут.

Маршал улыбнулся с хитринкой:

- Вот болтуны!

Обнял меня, попридержал в объятиях, похлопывая рукой по спине, и то ли в плечо, то ли в шею прошептал:

- Спасибо, чертяка! Я слезу даже пустил. Ну тебя... - и ушел. Наверное, чтобы на людях не заплакать. Мне так показалось.

21.00. Начался второй акт. Играл свободно, в охотку, чувствовал себя настоящим Чуйковым.

22.15. Финал спектакля. Поклоны артистов, режиссера Бортко и автора - Юлиа Чепурина. Зал аплодировал стоя. Маршала со сцены не видно, но по тому, что большинство зрителей аплодировали, стоя вполоборота, а иные и спиной к нам, догадался, что он в зале.

23.00. Бутылка маршальского коньяка очень пригодилась. Выпили за его здоровье.

3 февраля 1973 года. 10.00. Я дома, в Москве. Смотрю телевизионную трансляцию спектакля рассказывали, что во время бурных аплодисментов зрительного зала на экране появлялись на миг крупные планы - то маршала, то мой. И оба - со слезами на глазах.

ку (подсказанная деталь) и энергично ею размахивал, что придавало ощущение возможности применения ее в самых неожиданных моментах!

20.45. Антракт. Взмок насквозь. Костюмеры дали новую нижнюю рубашку, глядя китель. Входит маршал Чуйков. Первые слова:

- Чертяка! Ну тебя!

Адьютант поставил на моем гримерном столике бутылку коньяка, две рюмочки, положил две конфетки и нарезанное ломтиками яблоко.

- Давай, со знакомством!

Я говорю:

- Не могу. Мне ведь вас доиграть надо. Что же я... э-э-э, того...

Василий Иванович слегка толкнул меня животом:

- Не расстраивай меня. Фронтовик ведь! По 100 граммов принимали и как воевали, а? Будь здоров!